

Рената АНДРЕЕВА (г.Санкт-Петербург) ЛЕСНЫЕ ФЕЙРИ

Когда Алька подседа ко мне в кафе, где я медленно ковыряла своё мороженое, стараясь растянуть удовольствие, я удивилась: в институте она меня игнорировала. Впрочем, это меня и не огорчало: не люблю задавак. Я её, если честно, даже знала плохо, она хоть из моего потока, но из другой группы.

Алька с приятной улыбкой выразила радость от неожиданной встречи и сразу поинтересовалась, чем я занимаюсь на каникулах. Я не занималась ничем: сотрудница, на месте которой я работала, неожиданно решила выйти из декрета пораньше, и меня уволили. Новую работу я искать не стала: надо же отдохнуть хоть пару недель. Хотя и поехать куда-то не получалось: не по моим финансам.

Объяснять это Альке я, конечно же, не стала, а просто сказала, что отдыхаю.

— Ой, Катька, нашла где отдохнуть! — пренебрежительно заявила Алина. — Разве в городе — отдых? Я завтра на дачу еду. Сосны, озеро, ягоды, безлюдье... Хочешь туда

дней на десять?

Я хотела, но озадаченно промолчала. По тону Альки нельзя было предположить, что она внезапно вспылала ко мне дружескими чувствами. Сразу подумалось про бесплатный сыр. Слишком заманчиво. Не делают случайным знакомым таких предложений.

Терпения Альки хватило ненадолго, и она иронично спросила:

— Я когда-нибудь дождусь результатов твоего мыслительного процесса?

Молчать дальше было неудобно, и я, решив, что дипломатничать особо не стоит, сухо поинтересовалась:

— Алина, подробности будут? Что тебе от меня надо?

Мне почему-то казалось, что Алька выразит возмущение и начнёт уверять, что просто мечтает оказаться в моём обществе. Но нет.

Голубые глаза чуть прищурились, и Алька деловым тоном заявила:

— Поливать цветы надо и собаку кормить.

Я опешила:

— Ты что, сама этого не можешь сделать?

Алька положила руки на стол, сцепила пальцы и недовольно объяснила:

— Этим обычно занимается бабушка, а сейчас из-за такой жары ей плохо стало: давление скачет и сердце барахлит. Её в больницу положили. Родители и решили меня на дачу отправить. А что я там забыла? Ни компа, ни телевизора. Я лучше у своего парня перекантуюсь.

— Вот и ехали бы с парнем вместе, — предложила я, уже чувствуя острое желание воспользоваться случаем и сменить обстановку. Но что-то меня не слишком вдохновляла идея оставаться одной в чужом доме, да ещё и с собакой. Я собак не боюсь, но, как я поняла, у Альки на даче цепняк, а у них часто психика перекорёжена и поведение неадекватное.

— Олег работает, а каждый день оттуда ездить неудобно, — возразила Алька.

В общем, я всё-таки согласилась. Невелик труд, а выбраться из душного пыльного города хотелось. На следующий день Алинин папа отвёз нас. Мы сидели на заднем сидении машины, и Алина всю дорогу мило щебетала, изображая несуществующие дружеские отношения. Я больше молчала. Алинкин отец мне понравился, и обманывать его было неловко.

Он привёз нас на дачу и сразу уехал. В течение первого часа после его отъезда Алька знакомила меня с домом и кратко рассказала об окрестностях. Ещё несколько часов она просто отравляла мне существование своей кислой физиономией. Но я всё равно была ей благодарна. Здесь было здорово! Поливать надо было не так уж много, хотя, кроме цветов, обнаружили и несколько грядок, и кусты смородины. Собака оказалась крупной меланхоличной дворнягой по кличке Туман. Первый раз я покормила Тумана при Альке. Пёс смотрел на меня настороженно, но вел себя спокойно, и я понадеялась, что он будет таким же спокойным и когда хозяйка уедет.

Вечером появилась машина: за Алькой приехал её Олег. После их отъезда я честно стала поливать участок. Заняло это больше времени, чем я предполагала, часа два с прицепом. С непривычки я устала, плечи ныли, но всё равно оно того стоило. Как же здесь хорошо! Не ценят люди своего счастья. Я бы на месте Альки отсюда летом вообще

не вылезала.

Мне казалось, что в незнакомом месте я долго не смогу заснуть. Но свежий воздух и физическая нагрузка взяли своё: стоило мне положить голову на подушку — и отключилась. Утром проснулась в превосходном настроении, немного убралась в доме и покормила пса. К моему удивлению, он меня встретил как родную, даже хвостом повилял. Оно и к лучшему, но я недоумевала. Зачем держать на цепи такую не злую собаку?

Я немного посидела на дощатой пристани, болтая ногами в воде, размышляя о том, как мне повезло.

Дом стоял на самом берегу и был приземистый, но уютный. В нём была одна комната, кухонька и крохотная прихожая. Вокруг безмолвствовал сосновый лес. Лодка, вытщенная на берег, чернела просмоленным днищем. Хорошо.

Только жарко-то как!

Озеро, конечно же, живописное, но купаться в нём мне не хотелось. Около берега всё заросло водорослями, да и подальше на водной поверхности видны были пятна травы. Алька предупредила, что здесь и дно противное, илистое, и пиявок хватает, и сказала, что ходит купаться на карьер. Идти, правда, довольно далеко: по тропе, потом по просеке, мимо свалки, а там уже рядом.

Здесь несколько таких карьеров, но этот — ближайший. Роят песок, пока не доходят до водоносного слоя, а потом переходят на новое место — вот и получается ещё одно озеро.

Решив, что пора проверить Алькины рассказы, я надела купальник и сарафан, и отправилась на поиски. Тропа выглядела маняще мягкой. Я разулась и, взяв сабо в руки, пошлёпала босиком. Ступни сразу покрылись слоем пыли. Тропа была тёплая и быстро ложилась под ноги, изредка покалывая босые ступни опавшей хвоей. А воздух

какой! В городе такого и представить невозможно. Меня поразило, сколько муравейников здесь было. Кучи сосновых иголок, кишашие крупными рыже-коричневыми муравьями, попадались довольно часто. А размеры! Один из муравейников достигал, наверное, метровой высоты. Да и другие ему не слишком уступали.

Я свернула на просеку, надеясь, что ничего не перепутала. Здесь ноги тонули в крупном песке, он обжигал, но обуваться я не стала: когда ещё доведётся босиком походить, надо использовать возможность, пока она есть. Солнце палило, большие белые облака, какие бывают только в очень хорошую погоду, как будто специально обходили его стороной. Ветер не чувствовался. Тонкий аромат цветущего вереска плыл в раскалённом дрожащем воздухе.

Но вскоре в этом благоухании я уловила резкую химическую ноту. Если бы не этот запах, можно было бы сказать, что свалка, которую я увидела через несколько минут, открылась неожиданно. Я почему-то представляла себе нечто глобальное, но размеры не впечатляли. У самых деревьев почти в линию построились несколько крупных куч, откуда торчали какие-то железки. Рассматривать это вонючее уродство мне не хотелось, я только неприязненно покосилась в их сторону. Ведь наверняка кому-то не захотелось платить за вывоз мусора на законную свалку, вот и свалили абы где. Такое чудесное место испохабили!

Но для меня сейчас это — ориентир. Значит, я иду правильно. Я свернула на тропинку, похожую на ту, что описывала Алька. Вот интересно, кто эти тропинки прокладывает? Люди-то где? Я чувствовала себя, как на необитаемом острове.

В сосны вклинился участок лиственного леса и тропа изменилась. Я решила обуться, но не успела этого сделать, не столько заметив, сколько почувствовав впереди какое-то движение. Остановилась и взгляделась. Над цветущей прогалиной танцевали феи.

Я ошалело вылупила глаза.

В сказки я давно уже не верю. Фэнтези мне, конечно, нравится, но не настолько, чтобы видеть лешего в каждой коряге или высматривать зелёных человечков около ведьминых кругов. Пристально взглядываясь, я направилась вперёд. Может я всё-таки и в самом

деле попала в какую-то параллельную реальность? Вот и люди мне нигде не встречались...

Нет, не феи. Это — лесные фейри. Или эльфы? Стройные тельца салатого цвета просвечивали через прозрачные развевающиеся бирюзовые одежды. И никаких хороводов. Изящные фигуры поднимались в воздух, вытягивались, изгибались, и снова скрывались в траве. Я остановилась, опасаясь испугать этих крохотных созданий. Только вдоволь налюбовавшись издали, я решила рассмотреть их поближе. Вот ведь как мне повезло: увидела такое, о чём другие только в волшебных сказках читают!

Я старалась приближаться медленно и плавно, надеясь подойти как можно ближе прежде, чем фейри разлетятся. Только преодолев половину разделявшего нас расстояния, я поняла свою ошибку: эти бледно-зелёные тела не походили на человеческие. Передо мной вспархивали гигантские мотыльки. Мне даже показалось, что я видела похожих, только те были около сантиметра длиной, а эти намного, намного крупнее. Вблизи мне показалось, что летают они довольно неловко.

Я подошла почти вплотную, и один из мотыльков порхнул ко мне. Я восторженно протянула к нему руку, и он сел на неё, оказавшись даже немного длиннее ладони. Тут мои восторги поутихли. Конечно, эти бирюзовые прозрачные крылья великолепны, но громадные глаза золотого цвета выглядели металлическими, неестественными. Тельце оказалось тонким и будто изломанным. Довольно противненькое вблизи создание, всё такое хрупкое и беспомощное. Настолько хрупкое, что я побоялась стряхнуть его с себя, чтобы не повредить и, сделав ещё шаг, присела и вытянула руку, давая насекомому сползти.

Вот тогда я и увидела лису. Она лежала на боку с раскрытой пастью и вываленным языком и была облеплена такими же мотыльками. Они теснились на голове, у пасти, на лапах, на животе.

Вглядеться я не успела, потому что эта зелёная дрянь укусила меня за руку. Я взвизгнула от острой боли, вскочила и автоматическим движением ударила ее босоножками, зажатыми в другой руке.

Зелёное тельце переломилось. Я почувствовала липкое, но рассматривать было некогда. Ко мне порхнули и другие насекомые. Я шарахнулась в сторону и, отступая, ударила ещё несколько раз.

Твари оказались на удивление хрупкими: каждый мой удар крушил тонкие тела. Всё-таки ещё один мотылёк цапнул меня за ногу, но я и его стряхнула и бросилась бежать.

Летали они плохо, и почти сразу отстали, вернувшись к лисе. Я обогнула их по широкой дуге, быстро добежала до карьера и, не раздеваясь, бросилась в воду, смывая с себя липкую гадость.

Поскуливая от боли и отвращения, я достала из руки кусочек непонятно чего: челюсти, жала? Меня не интересовало, как это называется. Ни сидеть здесь, ни купаться желания уже не было. Да и надо срочно ранки обработать. Выбрав себе палку поудобнее на случай, если снова придётся отбиваться, я направилась в обратный путь. Местность незнакомая, поэтому другой дорогой я идти не рискнула, да и кто знает, какую пакость ещё здесь можно встретить?

К моему облегчению, больше я лесных фейри не увидела. Проходя мимо свалки, я злобно подумала, что может в ней и есть корень зла. Мало ли, что здесь выкинули, что могло вызвать мутацию у безобидных мотыльков! Я ничего раньше не слышала о хищных бабочках...

Не пройдя и половины пути, я почувствовала, что мне совсем плохо. Места укусов покраснели и опухли, на ощупь стали твёрдыми и горячими, начался озноб. И рука, и нога немели. Я постаралась прибавить ходу: ещё не хватало здесь в лесу и свалиться. До Алькиной дачи я дошла с трудом. Под конец пути меня качало, как пьяную. Дышать было тяжело, я почти задохнулась и, хотя отёки оставались только на местах укусов, я ощущала, что рука и нога опухли и стали онемевшими, большими и непослушными, как брёвна.

Ввалившись в дом, я торопливо достала аптечку.

Вылив на раны щедрою рукой половину перекиси водорода, я стала перебирать таблетки. Большая часть названий мне была незнакома, аннотаций не было. Впадая в панику, я высыпала всю аптечку из коробки на стол и к своему облегчению заметила пачку супрастина. Подумав, я приняла сразу три таблетки и после некоторого сомнения добавила таблетку аспирина. Температура у меня была высокой, но я решила этим ограничиться. Стиснув зубы, чтобы не стучать ими, обтерлась смесью уксуса и воды. Клонило в сон. Я даже не смогла себя заставить покормить собаку: замоталась в плед и мгновенно заснула.

Когда я проснулась, было темно. Чувствовала я себя намного лучше. Мне не сразу удалось понять, вечер это или уже наступило утро. Наконец, я сообразила посмотреть дату на мобильнике.

Оказалось, вечер. Я, озираясь по сторонам, вышла во двор покормить собаку.

Стая кровожадных мотыльков поблизости не наблюдалось, и я с облегчением подумала: вполне вероятно, что это — случайная мутация, и такие есть только около свалки. Первым побуждением было позвонить Альке и сказать, что я хочу отсюда уехать, но связь в этом месте была неустойчивая. Вечером мой телефон сети не обнаружил, а утром я, посмотрев на окружающую красоту, уже расхотела ехать в город.

Поразмыслив, я решила, что главное — проявлять бдительность и ходить с палкой. В конце концов, я отбилась достаточно легко, а если заранее замечу этих «фейри», так и вовсе никаких проблем. Просто не буду к ним соваться.

Когда через пару дней позвонила Алька, я сказала ей, что всё нормально.

Купаться я больше не ходила. Если там действительно есть какой-то фактор, вызывающий мутации, то и в воде может какая-нибудь погань оказаться вроде пирании или акулы. Конечно, маловероятно, но проверять меня не тянуло.

Как ни странно, укусы заживали нормально. Повезло мне, что никакой инфекции не

попало! Через неделю на их месте остались только небольшие отёки и подсохшие болячки. Я исправно поливала огород и сдружилась с Туманом настолько, что даже рискнула разок спустить его с цепи и взять на прогулку.

Ох, как я потом намучилась, прежде чем смогла его поймать! Больше я его с цепи не спускала.

В пятницу я возвращалась с вечерней прогулки по черничнику, который обнаружила на берегу озера, и увидела во дворе знакомую машину. Приехали Алька с Олегом.

Алька заметила меня издалека и вышла навстречу с раздражённым видом:

— Где тебя носит? Давай собирайся, тебе уезжать надо! Здесь до шоссе километров шесть, надо скорей идти, а то на автобус опоздаешь.

— Да ты что! — растерянно возразила я. — Как это ты меня выставляешь? Хоть бы предупредила! А если я на этот автобус опоздаю? Пусть меня хоть Олег подбросит до шоссе!

— Я не виновата, что здесь связь плохая! — отрезала Алька. — Это напрямую идти шесть километров, а ехать намного дальше. И вообще, Олег здесь только на выходные, у нас каждая минута на счету. С какой стати он тебя должен катать? Мы ещё искупаться сегодня хотели, не на ночь же идти, комары зажрут! Тебе и так устроили неделю курорта, а ты ещё и недовольна.

Такого я не ожидала. На глаза наворачивались слёзы, в горле стоял комок, который мне никак не удавалось проглотить.

Да чтоб вы там на мотыльков натолкнулись! Это вам почище комаров будет. Олег вышел из дома и, посмотрев сквозь меня, подошёл к машине и начал рыться в багажнике. Я

молча повернулась и пошла в дом собирать вещи.

Собирать не пришлось. Моя сумка уже стояла у дверей. Я расстегнула молнию и заглянула: всё было скомкано и запихано кое-как. Перекладывать вещи я не стала, закинула ручку на плечо и, молча пройдя мимо Альки, направилась к шоссе.

Я прошла почти с километр, немного успокоилась и устыдилась своего поведения. Как себя Алька держит — на её совести, но мне уподобляться ей не к лицу. Надо было предупредить её о «фейри».

Я огляделась, выбрала приметное дерево, припрятала рядом свою сумку и налегке помчалась назад. Алька, к моему облегчению, ещё не ушла. Она стояла у дома с нетерпеливым видом. Когда она заметила меня, её аж перекосило. Она почти бегом направилась мне навстречу:
— Что тебе здесь ещё надо?

Я, задыхаясь от бега, сбивчиво начала рассказывать о встрече с гигантскими мотыльками. Алька слушала меня невнимательно, нервно оглядываясь на дом. Когда Олег появился на крыльце, она меня оборвала:

— Хватит! Могла бы и правдоподобней что-нибудь придумать. Тут динозавры из ближайшего зоопарка не сбежали? Не думала я, что ты такая зануда. Всё равно ночевать ты здесь не останешься, что бы ни сочиняла.

Она отвернулась и направилась к Олегу. Я посмотрела ей вслед со странной смесью злости и сожаления. Пусть будет, как будет...
Повернувшись, я медленно пошла назад, к шоссе. Потом вспомнила о последнем автобусе и перешла на бодрую трясцу.

На автобус я, конечно, опоздала, но мне опять повезло. Рядом остановилось такси, и водитель, высунувшись в окошко, кратко поинтересовался:

— Куда?

— В райцентр, — сказала я, — только я всё равно с вами не поеду — у меня на такси денег нет.

— Садись, — решительно скомандовал таксист. — Заплатишь как за автобус. Я всё равно туда порожняком иду, а одному скучно.

Я села в машину и по дороге, неожиданно для себя, рассказала водителю, как Алька меня затащила на дачу, и как сейчас оттуда выставила. Даже всплакнула немного. Про мотыльков я не упоминала. Водитель крутил головой, ахал, обозвал Альку стервой, довёз до вокзала и, несмотря на мои возражения, отказался брать деньги. В электричке я ехала с уже возрождённой верой в человечество, а вернувшись в родной город сразу же, не заходя домой, завалилась в гости к подруге. Получив очередную порцию сочувствия, я окончательно воспрянула духом и постаралась выбросить из головы всю эту историю.

Единственное, что я сделала: поискала в интернете своих фейри. Оказалось, что они называются златоглазками и не имеют отношения к бабочкам, они — слепневые. Златоглазки едят тлю, их личинки — личинки тлей. Но мои неправдоподобно гигантские особи сменили рацион...

Через несколько дней ко мне пришли из полиции. Родители Альки не могли дозвониться до дочери и поехали на дачу. Их встретил только оголодавший Туман. Машина Олега стояла у дома. Алькин отец вспомнил про меня. Я опять повторила всю историю, умолчав о лесных фейри. Сначала мне казалось, что я в чём-то подозреваюсь, но выяснилось, что Алька звонила маме, когда я уже ехала в электричке. Я назвала адрес подруги, вспомнила приметы таксиста, сказала, что Алька с Олегом собирались на карьер.

Это определило направление поисков. Тела Олега и Альки обнаружили в лесу, в разных местах. Они были сильно объедены муравьями, причину смерти Альки установить не удалось. Олег умер от удушья, у него обнаружили аллергический отёк гортани.

Я думаю, они натолкнулись на фейри и, вероятно, отбиваясь, истребили их, потому что больше мне о гигантских мотыльках-убийцах слышать не доводилось.

Я всегда буду жалеть, что не поговорила с Олегом.